

Александр Семёнов

Воротилы и операция
«Стомаполор»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Воротилы

Александр Семёнов

**Воротилы или
Операция «Стоматолог»**

«Автор»

2026

Семёнов А.

Воротилы или Операция «Стоматолог» / А. Семёнов — «Автор»,
2026 — (Воротилы)

Год прошёл с тех пор, как наши герои одолели «шерстяных утырков», и жизнь, казалось бы, заиграла яркими красками. Шашлыки, холодное пиво и у кого-то даже романтик — что ещё нужно для счастья? Но вдруг в маленьком городке начинается нечто странное: люди начали исчезать, как носки в прачечной! Пока полковник Горшков предчувствует, что над ним нависла задница размера XXXL и неминуемая пенетрация, наши друзья вновь встают на борьбу с новой бедой. Их ждёт противостояние со злом, которое оказывается страшнее любых кошмаров и «шерстяных утырков». Это зло ходит среди людей, и отличить его невозможно. Но не стоит паниковать! С оптимизмом, вечным юмором и немыслимым сарказмом они готовы встретить любую угрозу. Запасайтесь попкорном и готовьтесь к захватывающему, полному неожиданностей приключению, где саркастичные шутки и блестящее остроумие станут самыми мощными средствами в борьбе с нечистой. Смогут ли дружба победить тьму? Одно мы знаем точно: будет весело!

© Семёнов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Семёнов

Воротилы или Операция «Стоматолог»

Глава

ГЛАВА 1

Пролог

Лето в городе вступило в свои права, разогрев асфальт до состояния раскалённой сковородки и наполнив воздух густым, сладковатым запахом цветущих лип. В небольшом городке, на самой окраине, жизнь текла в своём, неспешном, устоявшемся ритме — если не считать того, что год назад здесь произошла эпическая битва с оборотнями, после которой местная санэпидемстанция ещё месяц находила в подвалах клочья шерсти и задавалась неудобными вопросами. Вопросы, впрочем, быстро спустили на тормозах — кому нужна головная боль?

В ряду кирпичных построек стоял просторный, тёплый и уютный двухэтажный гараж — тот самый, который трое друзей купили на скромные сбережения и не менее скромную премию, выписанную мэром «за содействие в ликвидации бесхозных животных». Формулировка была настолько же расплывчатой, насколько и героической. Бесхозные животные, ага. Двухметровые, с клыками и горящими глазами.

Прошёл ровно год с тех пор, как мир для них перевернулся, а потом, ценой крови, нервов и пары испорченных штанов, снова встал на место. Год — срок приличный. Хватило, чтобы Лёха и Артур из двух чудаков с пистолетом и панической атакой превратились во вполне успешных владельцев автосервиса. Первый этаж гаража — это царство масла, металла и бензина. Два подъёмника, стеллажи с запчастями, почти идеальный порядок в инструментах. Артур иногда клал гаечный ключ не в тот ящик, и тогда Лёха орал так, что срабатывала сигнализация у соседнего «Лексуса».

Клиенты шли потоком. Лёха с его богатырской силой и пониманием «железа» был гением сложного ремонта. Если он брался за движок — движок потом мурлыкал, как котёнок. Артур был виртуозом по электрике и, что неожиданно, по общению с клиентами. Он умел так объяснить человеку, почему замена прокладки стоит именно столько, что тот уходил счастливым, хотя ещё пять минут назад хотел жаловаться в налоговую. Второй этаж они обустроили под себя: Лёха отгрохал настоящую качалку с видом на лес, а Артур устроил рядом уголок с огромным телевизором, игровой приставкой и диваном, на котором можно было провалиться с головой и не выбраться без посторонней помощи.

Саня пошёл другим путём. Его армейский опыт и то, что он скромно называл «навыками решения нестандартных ситуаций», оказались востребованы в местном РОВД, ну и еще отсутствие желающих идти туда работать внесло свою лепту. Как говорил Горшков, «кадровый голод — это когда ты готов взять даже человека с ручным гранатомётом, лишь бы он умел заполнять протоколы». Саня протоколы заполнять умел. А гранатомёт у него был — спасибо деду. Он устроился опером в уголовный розыск. Начальник, майор Горшков Анатолий Палыч, после пары удачных раскрытий смотрел на него как на спасительную соломинку в болоте районной

преступности, хоть и побаивался его иногда излишне прямолинейных методов. Ну, не то чтобы смотрел — скорее, периодически впадал в истерику, требовал невозможного и обещал всем устроить пенетрацию, но это у него было проявлением любви. По-своему. Очень по-своему.

Катя, используя свой архивный опыт и поистине железные нервы, заняла место в городском архиве — том самом, где раньше правила бал Зоя Петровна. Теперь она сидела за тем же столом, но работала иначе: не скрывала, а систематизировала, наводила мосты между прошлым и настоящим. А ещё она, опираясь на пережитый кошмар и информацию из книг деда Василия, написала большую работу по бестиарию в фольклоре восточно-европейских народов, став негласным экспертом в институте, где когда-то училась. И, что было самым важным для Сани, уже несколько месяцев она спокойно и уверенно жила с ним в его, а теперь их, квартире.

Их жизнь обрела новые, крепкие очертания. Гараж стал их клубом, штабом и местом силы. Здесь пахло не только бензином, но и шашлыком. А это, как известно, верный признак стабильности.

Именно здесь, на ухоженной площадке за гаражом под самодельным навесом, в этот вечер пыхтел мангал. Лёха, в пропитанной потом майке, с лицом, блестящим от жара и сосредоточения, с важным видом ворочал шампуры. Мясо шипело, роняя капли жира на угли, и запах был таким, что соседский пёс уже полчаса сидел у забора и тихо подвывал от гастрономической тоски.

— Сань, ну как там, на службе государевой? — спросил он, не отрываясь от процесса. Голос был спокойным, бытовым. — Спокойно? Без всякой... той... мистики?

Вопрос был ритуальным. Они задавали его друг другу почти каждую встречу. Как пароль, подтверждающий, что мир всё ещё на месте, что страшное осталось в прошлом. Что никто больше не пытается откусить им голову. По крайней мере, не в буквальном смысле.

Саня, откинувшись на спинку пластикового кресла, сделал глоток холодного пива. На нём были простые шорты и футболка, но осанка, привычка сидеть собранно, внимательный, скользящий по периметру взгляд у него никуда не делись. Он даже пиво пил так, будто проводил дознание.

— Спокойно, — ответил он, и в голосе звучала лёгкая, уставшая удовлетворённость. — Одна бытовуха. Бабульки с соседних участков войну за три сантиметра забора ведут бесконечную. Да местные гопники — друг у друга мобилы отжимают. Как в добрые, старые времена.

Из распахнутых ворот гаража донёсся победный клич. На втором этаже Артур только что одолел очередного босса в игре.

— Лысый! — его голос прозвучал с лестничной площадки. — Мясо-то скоро? Я героически погибаю с голодухи! У меня после такого подвига уровень сахара в крови падает быстрее, чем твоя штанга в жиме!

— Героически помолчи, — буркнул Лёха, и уголки его губ дёрнулись. — Мясо зреет, как искусство. Торопиться — только портить. Иди лучше салат проверь.

— Салат — это не еда! — донёсся с лестницы возмущённый вопль Артура. — Салат — это то, что ест еда!

Катя приехала позже, к самому началу ужина. Привезла свежего хлеба, овощи и что-то ещё из продуктов. С ней в машине приехала коробка с документами из архива — Катя даже в выходной не могла полностью отключиться от работы, за что Саня периодически грозил ей спрятать все папки в подвал. Она отвечала, что подвал уже проходили и повторять не хочется. Ели, пили, болтали ни о чём. О клиентах, о дурацких приказах из РОВД, о том, что Игнат звал в гости — похвастаться новым станком. Артур рассказал, что станок «гудит, как реактивный самолёт, только страшнее». Никто не упоминал серебро, полынь или подземные тоннели. В этом не было нужды. Мир был прочным и надёжным.

Когда стемнело, и в небе зажглись первые звёзды, они начали расходиться. Артур, зевнув, заявил, что остаётся ночевать на втором этаже — «охранять стратегические запасы». Под стратегическими запасами подразумевались три упаковки чипсов и начатая бутылка виски, которую он прятал от Лёхи за диваном.

— Охранник из тебя как из меня балерина, — хмыкнул Лёха, хлопнув его по плечу. Артур присел сантиметров на пять.

— Между прочим, я очень бдительный! Я просыпаюсь от каждого шороха!

— Ты просыпаешься, когда я холодильник открываю на первом этаже. Это не бдительность, это гастрономический инстинкт.

Лёха уехал к себе. Саня и Катя поехали домой, в свою тихую квартиру, где пахло книгами, кофе и покоем. Да-да, вы не ослышались, теперь Санина квартира была именно такой. Раньше там пахло холостяцкой свободой и иногда — забытой в раковине посудой. Теперь — цивилизацией.

Саня стоял на балконе, докуривая последнюю сигарету, глядя на тёмные квадраты окон и редкие огни вдаль. Где-то лаяла собака, хлопнула калитка. Всё было на своих местах. Он потушил окурок, зашёл внутрь. Катя уже спала. Он лёг рядом, закрыл глаза, погружаясь в тёплую, безопасную тишину без снов.

И эту тишину, разорвав её как бритвой, пронзил резкий, неумолимый звонок будильника, лежавшего на тумбочке. Саня вздрогнул, сердце на мгновение ёкнуло знакомым, холодным толчком. Взглянул на экран — 7:30 утра, пора вставать.

— Ненавижу понедельники, — пробормотал он, нащупывая кнопку. — Особенно когда они не в понедельник.

ГЛАВА 2

Рабочие будни

В восемь тридцать утра здание РОВД встретило Саню привычным букетом запахов: пыль, старая краска, дешёвый освежитель воздуха с ароматом «Альпийская свежесть», больше напоминающим химическую атаку, и вечное, въевшееся в стены дыхание бюрократической тоски.

Он дёрнул на себя тяжелую дверь, украшенную царапинами и объявлением «Закррито! Все уехали на вызов!», и шагнул в полумрак вестибюля.

У дежурки, за стеклом, отполированным до дыр тысячами нервных рук, маячила знакомая лысина капитана Дубососа. Человек с лицом вечно невыспавшегося бульдога и душой, похожей на старый протокол. Он жевал бутерброд с колбасой такой жирности, что глядя на него, можно было почувствовать приступ холестериновой передозировки.

— О, Александр! — капитан оторвался от трапезы, крикнул и махнул рукой. — Иди сюда, есть новости, горячие, как пирожки у бабы Глаши на базаре.

Саня подошел. Дубосос отпил из кружки чая, который по цвету напоминал мочу после тяжелой ночи, и понизил голос до конспиративного шепота, хотя вокруг никого не было.

— С утра тут родители. Рыдали, голосили, мать аж в истерику впадала. Дочку потеряли. Студентка, местного института, восемнадцать лет. Два дня назад, говорят, на дискотеку ушла — типа, там какой-то «ореп айг» был на старом карьере. И всё. Словно в воду канула. Ни тебе звонков, ни сообщений.

Капитан хмуро взглянул на потолок, будто ища там ответа.

— И это, заметь, уже третьи за неделю. Сперва тот бегун, потом кассирша из магазина, теперь вот девчонка. Горшок злой, — Дубосос кивнул в сторону кабинета начальника, — уже с утра как на иголках. Нервный сильно. Так что береги тыл, оперативник. Потому что если эта тенденция продолжится, то последствия могут быть... — он многозначительно сложил большой и указательный пальцы одной руки в кольцо, и выставив указательный палец другой руки изобразил нечто неприятное, — ...как говорится, не детские. И да, заявление и все документы уже у него. Он тебя ждёт — поторопись.

Саня кивнул, поблагодарил дежурного не столько за информацию, сколько за артистизм изложения, и направился вглубь здания. Коридор, выкрашенный в два цвета — снизу грязно-зеленый, сверху блекло-бежевый — казался бесконечным. По пути он миновал дверь своего кабинета, и протиснулся мимо двух сержантов ДПС, оживленно обсуждающих, какого черта в их район занесло какого-то столичного гаишника с проверкой.

Кабинет майора Горшкова Анатолия Палыча находился в самом конце. Дверь была приоткрыта. Из щели доносилось тяжелое, прерывистое дыхание и звук, похожий на то, как медведь пытается бесшумно похаживать по бетонному полу. Саня постучал костяшками пальцев.

— Войдите! — голос прозвучал так, будто его владельца только что разбудили, сообщив о тотальной краже всех унитазов из здания РОВД.

Войдя, Саня увидел знакомую картину. Кабинет майора был не то чтобы уютным, а скорее «обжитым». Стол, заваленный бумагами вперемешку с пустыми пачками от «Беломора», потертый ковер с вытертым до дыр узором, на стене — обязательный портрет, сами знаете кого и календарь с видами природы трехлетней давности и плакат «БДИТЕЛЬНОСТЬ — ЗАЛОГ УСПЕХА».

Но главным действующим лицом был сам майор. Он не сидел. Он расхаживал от окна, из которого открывался живописный вид на задний двор с ржавым гаражом и вечно переполненными контейнерами, к двери и обратно. Его движения были порывистыми, нервными. В

пухлых, обычно спокойных руках он теребил свежую папку. Бумага шуршала, как стая испуганных мышей. Увидев Саню, Горшков замер на середине комнаты, как часовой, заметивший нарушителя границы, и ткнул папкой в его сторону. Жест был обвинительным, почти прокурорским.

— Саня! — начал он, пропустив формальности вроде «доброе утро» или «как семья». Голос его был сдавленным, налитым особой горечью, которая появляется у начальства, когда сверху вот-вот прилетит не просто проверка, а комиссия с мешком инструкций и желанием кого то наказать. Может даже лишить премии. — Ну что это такое? Третье заявление о пропаже за пять дней! Третье! — Сука! Скажи мне что и днём и ночью работаешь над ним! Скажи пожалуйста, что есть хоть что то! — Почти жалобно всхлипнул Горшков.

С этими словами Горшков совершил небольшой, но очень выразительный театральный жест. Он откинул голову назад и поднял глаза к потолку, оклеенному пожелтевшими плитками «армстронг», на одной из которых красовалось жирное пятно от давнишнего потопа. Выражение его пухлого, обычно красного, а сейчас почему-то землисто-серого лица было таким умоляющим и скорбным, что, казалось, он ждал, что с потолка вот-вот спустится ангел или, на худой конец, начальник главка в сопровождении священника и скажет: «Анатолий Палыч, расслабься, это мы просто тестируем новую систему стресс-менеджмента. Молодец, держи орден и путевку в санаторий».

— Мне же руководство, — продолжил он, уже обращаясь к Сане, но взгляд его все еще блуждал где-то между люстрой с тремя неработающими лампочками и тем самым пятном, — сексуальную ориентацию поменяет, насильственным путём, причём даже не спросят, испытываю ли я к ним хоть какую то взаимную симпатию!

Саня, за год научившийся не то чтобы понимать, а просто предугадывать эти утренние морально-волевые спектакли, молча прикрыл за собой дверь, отсекая любопытные уши из общего зала. Он прошел к столу и опустился на стул напротив. Надо было вернуть нотку житейской, мужской мудрости. Успокоить зверя, пока тот не начал метать стулья.

— Да ладно, Палыч, — сказал он, и на его лице появилась слабая, уставшая, но искренняя улыбка. — Может, просто загуляли? Погода же сама шепчет — займи но выпей. Сам что ли, трубку не гасил, чтобы не нашли? Потом сказал, что телефон сел, а у друзей зарядка не такая. Вроде отскочил и покуражился от души. — Саня даже слегка хмыкнул, представляя, как серьёзный спортсмен, скучающая кассирша или примерная студентка вдруг срываются с катушек и уходят в запой, забыв обо всем на свете. Картинка получалась настолько нелепой, что должна была хоть немного разрядить обстановку.

Но сегодня житейская мудрость, похоже, пролетела мимо ушей майора, не задев ни одной из извилин, ответственных за скептический оптимизм. Горшков медленно опустил взгляд с потолка на Саню. И в его маленьких, обычно беспокойно бегающих глазах читалась уже не паника, а какое-то новое, щемящее понимание. Такое, которое приходит, когда ты наконец осознаёшь, что в унитаза упал не золотой слиток, а самый настоящий кирпич, да еще и с табличкой «Собственность ГУВД».

— Ох, Саня, твои слова да богу в уши, — прошептал он, и голос его вдруг стал усталым, старым, лишенным привычной истеричной энергии. — Только вот проблема одна есть. Первый пропал — спортсмен. Мастер спорта по чему то там, я сам не понял. Не имеется им бегать где

не попадая, на ночь глядя. Вторая — кассир из «Трёшечки», которая ушла домой после смены, в одиннадцать часов вечера, и с утра на смену не вышла. Коллеги звонили — тишина. Муж написал заявление, дома она так и не появилась. А третья — вот она, — он шлепнул ладонью по свежей папке, — студентка, отличница, восемнадцать лет, победительница олимпиад по всему чему только можно. Родители не в себе. На дискотеку пошла и растворилась. Все трое из разных районов, разных кругов, разного возраста. Никаких пересечений, связей, общих знакомых — какой нахер забухать, Саня!

Он помолчал, давая информации осесть в голове, как тяжёлый осадок. Потом тревожно, с надрывом вздохнул. Этот вздох больше походил на стон усталого зверя, загнанного в угол. Затем майор тяжело опустил голову прямо на сложенные на столе руки. Сидел так несколько секунд, абсолютно неподвижный, будто молился или просто ждал, когда кабинет, начальство и весь этот безумный мир наконец поглотит его вместе со всеми проблемами, папками и нераскрытыми делами.

— Так что терзают смутные сомнения... — его голос, приглушенный руками, донёсся едва слышно. — Сдаётся мне, пенетрации быть. Настоящей, глубокой, вот такими вот болтами. — И Горшков показал руками жест которым обычно рыбаки показывают размер пойманной рыбы, разведя их в разные стороны.

В кабинете воцарилась тишина. За окном гудела улица — обычная, будничная, живая. Там люди шли на работу, сигналили машины, кричали дети. Там не было ни пенетраций, ни бесследных исчезновений. Там был просто день. Здесь же, в кабинете, время словно сгустилось, стало тягучим и тревожным.

— Ладно, Палыч, — наконец сказал Саня ровным, деловым тоном. — Сейчас в кабинет, выпью кофе, и займусь этим вопросом в плотную. Будем отстаивать твой тыл. Как в старые добрые времена.

Горшков медленно поднял голову. На его лице была гримаса, которую можно было принять за слабую попытку улыбнуться, если бы не глаза — всё такие же полные неподдельного ужаса.

— Ой, иди отсюда, — буркнул он, но уже более ровным, почти обыденным тоном. Он откинулся на спинку кресла, которое жалобно заскрипело, и снова уставился в потолок. — И всё-таки мне жопа. Пряма ей и чувствую. Жопа чистой воды, размера XXXL, ну ты понял.

Саня развернулся и вышел из кабинета, мягко прикрыв дверь. В коридоре он на секунду остановился, прислушиваясь к привычным звукам конторы: стуку клавиатур, бормотанию за дверями, гудку факса. Всё как всегда. Он еще не догадывался, что в ближайшие несколько дней весь мир снова перевернется с ног на голову.

А в кабинете майор Горшков Анатолий Палыч всё так же сидел, уставившись в пятно на потолке, и три тонкие папки лежали перед ним, как немые, но очень красноречивые... Он вздохнул ещё раз, налил себе чаю из остывшего чайника и подумал, что неплохо бы, действительно, начать беречь тыл. Или хотя бы купить новое, более удобное кресло. На случай долгой и мучительной пенетрации.

ГЛАВА 3

Первые улики

Дело о пропавших висело в воздухе РОВД тяжёлым, невидимым смогом. Саня, в своей потёртой армейской куртке, пялился в окно кабинета, где виднелся покрытый зеленью парк и вечно переполненная детская площадка. Мысли ворочались медленно и зловеще. Три человека. Три разных судьбы. И ноль зацепок. Даже самая заваливающая зацепочка, из тех, что подают надежду и говорят «эй, я здесь, арестуй меня», отсутствовала напрочь. Зацепки, видимо, ушли в отпуск. По путёвке, купленной на деньги Саниной удачи.

Телефон на столе завибрировал, как пойманная мушка. Мушка была настойчивой — пришлось ответить.

— Да, — коротко бросил Саня в трубку.

— Саня! — голос Горшкова напоминал шипение лопнувшей камеры. Если бы камеры умели паниковать, они бы звучали именно так. — Бросай всё! Дуй в «Дубки», пулей! Северная опушка! Местные грибники нашли! Твоего бегуна! Михеева!

— Состояние?

— Какое, на хрен, состояние! На спортсмена больше с их слов не тянет! Вид... вид, Александр, не для слабонервных! Грибники, говорят, теперь грибы собирать не будут. Вообще. Никогда. Завязали с этим делом и записались в секту «Свидетели бетонных стен». Криминалистов уже выслал. Ты двигай, и чтобы ни одного постороннего! Не дай бог журналисты, ну ты понял!

На месте было уже людно. Две милицейские машины, лента. И два мужика, похожих на мокрых воробьёв, — сидели на корточках, курили дрожащими руками. Один из них, увидев Саню, попытался что-то сказать, но издал только нечленораздельный писк. Второй молча протянул ему недокуренную сигарету — дескать, сам понимаешь, пригодится.

Сергей Михеев сидел подпирая спиной дерево, глядя в хмурое небо остекленевшими глазами. Выглядел он... чистым. Слишком чистым для трупа в лесу. Как будто его не убили, а подготовили к фотосессии для журнала «Покойники сегодня». Саня мысленно отругал себя за цинизм, но цинизм был его защитным механизмом, а защитные механизмы не выбирают. Саня присел на корточки. Локтевой сгиб. Маленькая, идеально круглая дырочка. Шея — такая же. Ни ссадин, ни синяков.

— Кровь? — тихо спросил он у подошедшего криминалиста.

— А где ж ей быть-то? — тот хмыкнул. — Её, похоже, всю откачали. Как сок из пакета. Через эти дырочки. Инструмент — что-то острое и полое, скорее всего иглы катетера. Работа чистая. Без суеты. Как будто не человека убили, а провели плановое техобслуживание. Заменили жидкость, фильтр не тронули.

— Очень смешно, — без улыбки сказал Саня.

— А я и не шучу, — ответил криминалист. — Я, когда шучу, совсем по-другому выгляжу. Сейчас я серьёзен как инфаркт.

Вернувшись в город, Саня первым делом зарулил в морг.

Патологоанатом встретил его фразой: «А, это вы?». Прозвучало это так, будто Саня был постоянным клиентом, забежавшим на чай. Впрочем, за последний год он действительно бывал здесь чаще, чем хотелось бы. Патологоанатом даже начал узнавать его в лицо и спрашивать про семью. Это настораживало. Заключение было кратким и жутким: смерть от острой кровопотери. Крови в теле — кот наплакал. Два аккуратных прокола.

— Кроме проколов есть повреждения?

— Удар был, один, в затылок. Потом видимо укололи — и пошла-поехала. Как на станции переливания, только наоборот. Там кровь вливают, а тут — выливают. Кто-то перепутал инструкцию.

— Или очень точно ей следовал, — пробормотал Саня.

Из морга Саня поехал напрямиком в гараж. Нужна была встреча с друзьями. Он хотел обсудить с ними это странное убийство. А заодно — выпить. Потому что обсуждать странные убийства без выпивки вредно для душевного здоровья.

В гараже царил привычный хаос. Лёха, с лысиной, блестящей от пота, выдирает какую-то деталь из недр жигулёнка. Деталь сопротивлялась. Жигулёнок тоже. Казалось, они заключили временный союз против человечества. Артур что-то паял, морщась от дыма. Дым, судя по запаху, был троюродным братом химического оружия.

— Нашли бегуна, — сказал Саня, опускаясь на кресло. — Мёртвого. Кровь из него выкачали. Через два аккуратных отверстия. Один удар в затылок и спортсмен даже не сопротивлялся. И это странно.

Артур поперхнулся. Дым от паяльника пошёл не в ту сторону, и теперь он был похож на небольшого, очень несчастного дракона.

— Выкачали? Это... опять? Они? — голос Артура предательски взлетел на октаву вверх.

— Не похоже, — покачал головой Саня. — Слишком чисто. На маньяка с медицинским образованием смахивает. Возможно сильного маньяка с медицинским образованием. Который в свободное от маньячества время работает флеботомистом. Или донором. Или и тем и другим — по настроению. В любом случае я предлагаю наведаться в последнее место адской тусовки наших шерстяных друзей и проверить лично. Просто чтобы убедиться, что они действительно на пенсии.

В этот момент дверь гаража скрипнула. На пороге стояла Катя с пакетом продуктов.

— Привет, я мимо... — она замолчала, увидев их лица. — Что-то случилось? Только не говорите, что опять. Я только вчера отмыла куртку от прошлого раза.

Саня вкратце объяснил.

— Вылазка на завод? — переспросила она. — Я еду с вами.

— Катя, не надо.

— Я еду. Я там уже была. И если я останусь, я просто сойду с ума от беспокойства. А сумасшедшая Катя — это страшнее любого оборотня. У неё есть доступ к архиву, а в архиве — данные на всех. Представляешь, что я могу устроить?

— Ладно, — быстро согласился Саня. — Ты едешь.

Старый завод «Энергомаш» стоял как гигантская надгробная плита. Если бы надгробные плиты могли ржаветь и осыпаться, эта была бы чемпионом. Они оставили машину недалеко от КПП завода. Воздух пах гарью, сыростью и забвением. И чем-то ещё — кажется, старыми носками. Но, может, это просто ветер принёс из города.

— Так, — тихо скомандовал Саня, когда они перелезли через знакомый пролом в заборе. — Площадь огромная. Осматриваем по порядку, но быстро. Разобьёмся. Я с Катей — цех №3 и прилегающие склады. Лёха, ты с Артуром — административный корпус и котельную. Потом встречаемся у входа в главный производственный цех, №2. Осмотр — осторожно без геройств. Всё понятно?

— Понял не дурак, дурак бы не понял, — кивнул Лёха, проверяя хват своего серебряного топора, который он, по старой памяти, решил прихватить с собой. Топор сиял так, будто его только что начистили зубной пастой. Лёха относился к оружию лучше, чем к собственной машине.

— А мне что делать? — пискнул Артур, беспомощно разглядывая свой арбалет. Арбалет выглядел так, будто его собрали из деталей конструктора и честного слова.

— Стоять сзади, не шуметь и не падать, — отрезал Лёха. — И если увидишь что-то мохнатое, вертикальное и без приглашения — стреляй. В идеале — попади. Хотя бы в сторону врага. Хотя бы в сторону Артур.

— У меня был всего один промах!

— Артур, ты промахнулся мимо двухметрового оборотня с трёх метров. В него бы и слепой с завязанными глазами со ста метров попал. А ты промахнулся.

— Там ветер был!

Катя молча достала из рюкзака не фонарь, а длинный, узкий предмет в кожаном чехле. Расстегнула — внутри блеснуло лезвие. Не стальное, а тускло-белое, с тонкой гравировкой.

— На всякий случай, — пояснила она, встретив удивлённый взгляд Сани. — Из тайника деда. Для близкого знакомства с шерстяными. Если кто-то из них захочет познакомиться поближе — у меня есть аргумент.

Саня лишь кивнул, проверяя обойму в своём табельном ПМ. Серебряных пуль в нём не было, но вес оружия в руке успокаивал. Примерно как плед и горячий чай, только с возможностью проделать дырку в незваном госте.

Пары разошлись. Саня с Катей двинулись к громадине цеха №3. Здание было похоже на остов доисторического зверя. Зверь, судя по всему, питался металлом и страданиями рабочих. Они зашли внутрь через выбитые двери. Лужи света от фонарей ползали по заросшему бурьяном полу, выхватывая груды ржавого металлолома, обрушившиеся балки. Ни звука, кроме шуршания их собственных шагов по битому стеклу и сквозняка, гулявшего в пустоте.

— Похоже, чисто, — прошептал Саня после осторожной прогулки по цеху.

— Слишком чисто, — так же тихо ответила Катя. — Ни следов, ни запахов. Как будто сюда уже год никто не заходил. Ни люди... ни кто-либо другой. Как в моём архиве, только грязнее.

После этого они осмотрели прилегающие складские постройки, где кроме лома ничего не нашли. Лом был разнообразный: от советских станков до чьей-то коллекции пустых бутылок. Археологи будущего заплакали бы от счастья.

Тем временем Лёха с Артуром осматривали административный корпус. Это было трёхэтажное здание с выбитыми окнами, похожее на голый череп. Череп смотрел на них с молчаливым укором, словно спрашивая: «Ребята, вам вообще заняться нечем?» Лёха шёл впереди, его массивная фигура почти не скрипела половицами. Артур плёлся сзади, наступая на каждую вторую доску, которая оглашала тишину душераздирающим скрипом.

— Ты можешь тише ходить? — обернулся Лёха. — Ты идёшь, как слон в лавке хрустала. И не просто слон, а слон бухой в слюни.

— Я не могу! — зашептал Артур. — Тут под ногами или стекло, или гнилые доски! Я не призрак, я материальный! И у меня арбалет! Он тяжёлый!

— Так брось его! — не выдержал Лёха.

— А вдруг пригодится?! — парировал Артур, цепляясь за оружие как за спасательный круг. — Вдруг оборотень увидит арбалет и испугается? У них, может, посттравматический синдром от арбалетов!

— У них посттравматический синдром от серебра. А у тебя в арбалете — обычные болты. Которые ты даже натянуть не смог.

— Я натянул!

— Ты натянул тетиву наоборот. Это был первый случай в истории арбалетостроения.

В этот момент его нога провалилась в дыру в полу, прикрытую ковром из пыли и щепок. Артур дико замахал руками, пытаясь удержать равновесие, арбалет задел за какую-то торчащую железную арматуру с оглушительным лязгом, и весь он, вместе с оружием, грузно плюх-

нулся на пол, подняв облако пыли столетней выдержки. Пыль, казалось, была счастлива наконец-то размяться.

— Т-ты-ты... — Лёха замер, прислушиваясь. Гулкий лязг и грохот разнеслись по всему зданию, отозвавшийся эхом в пустых коридорах. В наступившей тишине было слышно, как у Артура отчаянно стучит сердце. И как Лёха медленно, очень медленно считает до десяти.

— Ну всё, — прошептал Лёха с леденящим спокойствием. — Теперь, если тут кто и был, он точно знает, что к нему на ужин пришла самоходная, грохочущая и очень сочная закуска. Вставай. Быстро. И попробуй не упасть. Хотя бы до вечера. Сохрани мои седины.

Артур, ругаясь про себя на чём свет стоит, вылез из дыры, отряхнулся и, к своему удивлению, обнаружил, что арбалет цел. Тетива, правда, сорвалась. Снова. Он простонал.

— Зато теперь у тебя есть дубина, — утешил Лёха. — Тяжёлая. Неуклюжая. Почти как ты.

Через полчаса, покинув административку, и осмотрев котельную, пары встретились у массивных, полуразрушенных ворот цеха №2 — последнего и самого крупного здания.

— Ну что? — спросил Саня.

— Никого, — доложил Лёха. — Только Артур тут с местными железками обнимался. Шума наделал — хоть оркестр приглашай. Если бы тут была нечисть, она бы уже вышла с табличкой «Тише, пожалуйста, у нас дети спят». У вас?

— Тишина. Ничего.

Артур, тем временем, пытался в очередной раз натянуть тетиву арбалета, что удавалось ему с трудом и сопровождалось комичным хрюканьем. Со стороны казалось, что он пытается задушить арбалет голыми руками.

— Значит, зря приперлись? — с надеждой спросил он. — Может, и правда, просто маньяк-одиночка где-то в городе ошивается, а тут пусто?

— Последний цех — и будем считать, что отскочили, — сказал Саня. Он не любил, когда всё было слишком чисто. Видимо суеверие из нынешней трудовой деятельности. Так сказать тоже своего рода фольклор. В его опыте чистота часто предшествовала самой мерзкой пакости. Как затишье перед бурей. Или как спокойствие жены перед фразой «нам надо поговорить».

Они вошли в цех №2. Пространство было колоссальным, высотой в несколько этажей. Лужи лунного света через дыры в крыше слабо освещали гигантские, заржавевшие станки, похожие на спящих механических титанов. Титаны спали беспробудным сном — видимо, смена закончилась. Воздух стоял неподвижный, пыльный.

— Разделимся? — предложил Лёха. — Обойдём по периметру.

— Нет, — твёрдо сказал Саня. — Держимся вместе. Здесь слишком много укрытий. И слишком мало желания быть съеденными поодиночке.

Они двинулись вдоль дальней стены, держась спиной к относительно свободному пространству. Фонари выхватывали причудливые тени. Тени вели себя прилично — никто не шевелился, не пытался напасть и вообще не проявлял признаков нечисти. Вдруг Катя остановилась, тронув Саню за рукав.

— Смотри, — она направила луч в дальний угол, заваленный какими-то тёмными тюками.

Это были не тюки. Саня сразу понял. Слишком правильные формы. Формы, которые не хочется видеть никому и никогда. Он поднял руку, сигнализируя остановиться, и сам медленно двинулся вперёд, пригнувшись, держа пистолет перед собой. Остальные замерли, Лёха сжимал топор, Артур, забыв про сломанный арбалет, ухватился за баллончик с перцовой смесью, который всегда носил с собой «для хулиганов». Хулиганы в этом районе давно обходили Артура стороной — не из страха, а из сочувствия.

Саня подошёл достаточно близко. Два тела. Молодая девушка в джинсах и светлой кофте. Женщина постарше в форме, отдалённо напоминающей униформу из магазина. Лица бледные, восковые. И знакомые, аккуратные проколы на шее и руках. Как будто кто-то коллекционирует людей и наклеивает на них невидимые этикетки.

Он отступил назад, к друзьям.

— Всё, — его голос был тихим и плоским. — Нашёл их. Обоих. Та же история.

Артур ахнул и закрыл рот ладонью. Катя побледнела. Лёха лишь тяжело выдохнул.

— Значит, здесь его склад, — мрачно констатировал он. — Или столовая. Или и то и другое. Шведский стол, мать его.

— Нет, первого нашли далеко отсюда. Артур, Катя, Лёха — идите назад к машине, — сказал Саня. — Езжайте в гараж. Ждите меня.

— Саша... — начала Катя.

— Это необсуждается, — отрезал он. — Я остаюсь, вызываю группу. Иначе будет суета сует, кто такие, откуда и что здесь делали. Езжайте. Мне проще разрулить одному. Обсудим всё, когда вернусь.

Он проводил их взглядом, пока они не скрылись в темноте, и только тогда достал телефон.

— Дежурный? Это Ермолов. Старый завод «Энергомаш», цех номер два. Нашёл двоих из списка пропавших. Климову и Вольскую. Состояние идентично Михееву. Высылайте группу и экспертов. Да. Всем быть настороже. И захватите кофе. Много кофе.

Несколько часов спустя, передав дело следователям и отдав короткий рапорт Горшкову, Саня заехал по дороге в морг, получил заключение эксперта о том, что причины и следы смерти

идентичны, но у женщин не было гемотом. Их не били. Им просто не оставили шанса. Он вернулся в гараж. Его ждали.

— Ну что, братан? — спросил Лёха, отложив в сторону тряпку. — Официально — маньяк?

— Официально — да, — кивнул Саня, снимая куртку. — Три трупа, одна картина. Обрабатываем версию.

— А неофициально? — тихо спросила Катя.

Саня посмотрел на них — на лысого силача, на худощавого паникера, на умную девушку, ставшую частью их братвы. Его команду.

— Неофициально, — сказал он, и в его голосе впервые за вечер прозвучала усталость, — тоже маньяк. И у него, сука, очень острые иголки. И очень плохое чувство юмора. Потому что нормальный человек с такими иголками шьёт, а не выкачивает кровь.

В гараже повисло молчание.

— Значит, — выдохнул Артур с обречённой ясностью, — опять? Или я что-то не понял?

— Да не то, — сказал Лёха. — Ну что ж... «Воротилы» на пенсии, это хорошо! Предлагаю завтра на речку, мангал, пивко и шашлычки. Как смотрите друзья мои? Надо радоваться жизни, пока нас не выкачали.

— Но для начала, Артур, — добавил он, — тебе надо научиться ходить тише. А то следующий раз тебя не оборотень съест, а Лось в лесу поймает. И не поест даже — просто посмотрит с укоризной. И тебе будет стыдно.

Артур лишь бессильно махнул рукой. Юмор был горьким, но он был. А значит, они ещё в игре. В игре, правила которой никто не объяснил, но все уже в неё вляпались.

ГЛАВА 4

Шашлык по расписанию, или Вечер без происшествий

Задний двор гаража встретил вечернюю прохладу запахом углей и маринада. Старый мангал, сваренный Лёхой из листа котельного железа ещё в прошлом году, пыхтел жаром, разбрасывая искры в сгущающиеся сумерки. Искры разлетались, как фейерверки на празднике, который никто не заказывал. Над ним колдовал Артур. Выглядел он при этом как шеф-повар-самоучка, который посмотрел три выпуска кулинарного шоу и теперь считает себя гуру. На нём красовался заляпанный фартук с надписью «Шеф у плиты», который Катя подарила ему на день рождения — исключительно ради шутки, но Артур воспринял подарок всерьёз и теперь надевал при каждом удобном случае. Голову его венчал самодельный колпак из свёрнутой газеты «Вестник района», и весь этот ансамбль придавал ему сходство с персонажем комедийного фильма про ресторанный бизнес. С персонажем, которого уволили из ресторана, но он не сдался и открыл закусочную в гараже.

— Главный секрет, — вещал он, энергично перемешивая в эмалированной кастрюле куски свинины, плавающие в луже из уксуса, лука и каких-то специй, которые он лично перемолол в старой кофемолке, — не в ингредиентах. И даже не в руках. Главный секрет шашлыка — в настроении. Мясо, оно всё чувствует. Если ты нервный — оно станет жёстким, как подошва. Если спокойный и гармоничный — оно тебе оплатит нежностью. Я, когда его мариную, рассказываю ему анекдоты. Оно смеётся и становится мягче. Проверено.

— А если ты просто много болтаешь? — поинтересовался Лёха, появившийся из ворот гаража.

Он успел принять душ после дневной возни с движком какой-то иномарки — его бритая голова влажно блестела в свете прожектора, висевшего над въездом, а чистая футболка обтягивала плечи так, что швы тихо потрескивали при каждом движении. От него пахло мылом и бензином — вечный, неизменный аромат человека, который либо моет руки, либо снова лезет под капот. Иногда одновременно.

— Тогда оно маринуется в потоке позитивной энергии, — парировал Артур, не оборачиваясь, — и получается сочным.

— Ты бы ещё мантры над ним пел.

— Я пою. Только тихо. Ты не слышишь. В основном песни группы «Кино». Мясо, кстати, любит «Группу крови». Иронично, да?

— Очень, — буркнул Лёха. — Особенно если учесть, что мы едим свинину.

Лёха хмыкнул и остановился у стола, который они в прошлом году укрепили парой кирпичей, потому что одна ножка подгнила. Ножка держалась на молитве и изолянте. Катя как раз раскладывала овощи. Помидоры — красные, крепкие, только что с рынка, ещё хранящие тепло солнечного дня. Огурцы — пупырчатые, тёмно-зелёные, разрезанные вдоль на четыре аккуратные дольки. Зелень — кинза, укроп, молодой лук с белыми головками, разложенные по пучкам. Всё это она выкладывала на большое керамическое блюдо, которое они купили месяц назад на ярмарке hand-made — Катя тогда долго спорила с продавщицей, доказывая, что глазурь должна быть матовой, а не глянцевой. Лёха не понял разницы, но блюдо одобрил: вместительное, тяжёлое, не скользит. И, как он выразился, «если что, можно обороняться». Катя попросила не проверять.

Рядом легли нарезанный крупными ломтями бородинский хлеб, банка домашних солений — корнишоны и чеснок, привезённые ещё с дачи Игната, и глубокая миска с салатом, который Катя соорудила за десять минут из всего, что нашлось в их небольшом холодильнике на втором этаже. Холодильник был забит так, что при открытии дверцы оттуда выпадало что-нибудь непредсказуемое. В прошлый раз выпал йогурт, который Катя покупала ещё в прошлом году. Он был настолько просрочен, что, возможно, приобрёл разум. И обиду.

— Красиво, — оценил Лёха, окидывая стол хозяйским взглядом. — Прямо как в журнале. Только шампуров не хватает.

— Шампуры у Артура, — Катя отряхнула руки и поправила сползающую с плеча лямку сарафана. — Он сказал, что сам насадит. По особой технологии.

— По технологии «чтобы куски не проворачивались», — подал голос Артур, уже переходящий от маринования к нанизыванию. — Это очень важно. Если кусок проворачивается на шампуре — всё, пиши пропало. Он прожарится неравномерно. Будет сырой внутри и горелый снаружи. Как я в прошлый раз.

— В прошлый раз ты просто забыл его вовремя перевернуть, — напомнила Катя. — И Лёха сказал, что это был лучший шашлык для подошв, которые он видел.

— Лёха много чего говорит. Но мясо ест. И добавки просит. А это главный показатель. — Артур назидательно поднял палец.

— Я не забыл. Я отвлёкся. На философскую беседу.

— На перебранку с Лёхой из-за того, кто последний доедает чипсы, — уточнила Катя.

— Это и была философская беседа. О природе собственности и праве последнего куска. Великие умы веками решали этот вопрос. Мы с Лёхой решили его за двадцать минут и полторашку пива.

Лёха, слушая эту перепалку, усмехнулся и полез в карман за ключами от «девятки». Солнце уже почти скрылось за крышами соседних гаражей, и воздух из золотисто-розового становился серо-синим, прохладным. Где-то вдалеке, в частном секторе, залаяла собака — не тревожно, а лениво, по привычке. Как будто она тоже ждала шашлыка, но уже отчаялась. Пахло дымом, летом и покоем.

— Ладно, артисты. Я за Саней. Договорились у магазина встретиться. Купим пива, вина и приедем.

— Вино пусть Саня выбирает, — попросила Катя. — Он в прошлый раз хорошее взял. Сухое красное. Не то что ты — приволок какую-то бормотуху, от которой даже комары дохли.

— А я думал, ты только по архивам специалист, а ты ещё и по винам, — хмыкнул Лёха.

— Одно другому не мешает. Архивы — это для работы. Вино — для души. Архивное вино — это вообще отдельная тема. Но мы пока не пробовали.

— Запишу, — Лёха хлопнул себя по карману, где лежал мятый чек из супермаркета, на обороте которого он обычно вёл записи. — «Саня выбирает вино. Катя пьёт за душу. Лёха не разбирается в вине и ему стыдно». Артур, угли чтобы не погасли. Если мангал остынет — будешь раздувать лично. У меня лёгкие после той химии с завода ещё отходят.

— Обижает, начальник, — Артур картинно прижал руку к груди, оставив на фартуке маслянистое пятно от маринада. Пятно было похоже на карту Австралии. Артур решил, что это знак. — Угли будут как надо. Искусство не терпит суеты.

— Искусство не терпит, а я не терплю холодного шашлыка, — отрезал Лёха и нырнул в машину.

«Девятка» чихнула, завелась с пол-оборота — Лёха недавно перебрал карбюратор, — и, подпрыгивая на ухабах грунтовой дороги, выехала за ворота. Артур проводил её взглядом и вернулся к шампурам.

— Вот что я тебе скажу, Катя, — задумчиво произнёс он, втыкая в мясо очередной шампур с хирургической точностью. — Есть люди, которые едят, чтобы жить. А есть те, кто живёт, чтобы есть. Я отношусь ко вторым. И это не недостаток. Это — призвание. У меня даже в паспорте в графе «профессия» надо было писать «едок». Но в паспортном столе не оценили.

— Призвание — это когда ты делаешь что-то хорошо.

— Я делаю шашлык хорошо.

— Ты делаешь его вдохновенно, — уточнила Катя. — А хорошо или нет — это мы узнаем, когда попробуем.

— Ты мне не доверяешь?

— Я тебе доверяю. Просто я помню прошлый раз. И пенку с пожарной сигнализации.

— Там был технический сбой, — Артур поднял палец. — Дым пошёл не туда. Это была ошибка вентиляции, а не моя ошибка.

— Дым пошёл на второй этаж. Где нет вентиляции. И нет окон. И где Лёха спал.

— Лёха выжил. И даже не поседел. Ну, не сильнее, чем был.

— Вентиляции на заднем дворе, — напомнила Катя.

— Вот именно. Отсутствие вентиляции — это и есть ошибка вентиляции. Логично?

Катя рассмеялась и махнула рукой. Спорить с Артуром, когда он входил в роль шеф-повара и философа одновременно, было бесполезно — он всё равно находил аргумент, пусть и абсурдный. Аргументы у него были как грибы после дождя — вылезали отовсюду и часто были несъедобными.

Она отошла к столу, поправила и без того ровно лежащие помидоры, смахнула невидимую пылинку с хлеба. Руки сами находили дело, но мысли витали далеко. Год. Целый год они живут в этом новом, странном, но уютном мире. Гараж стал домом. Саня — тем, без кого она уже не представляла вечера. Лёха и Артур — больше чем друзьями. Семейей. Не по крови, а по тому, через что они прошли. И через что, кажется, им предстоит пройти снова. Потому что спокойствие в этом городе длилось ровно до тех пор, пока кому-то не приспичило выкачивать кровь из случайных прохожих.

Она подумала о полке в квартире, где за книгами лежала книга деда Василия. Тяжёлый том в кожаной обложке, пахнувший пылью, пылью и чем-то ещё — чем-то древним, не поддающимся определению. Катя не открывала её уже несколько месяцев. Незачем. Мир был прочным и надёжным.

— Катя, — окликнул её Артур, — у тебя там соль есть?

— На столе.

— Это мелкая. Мне нужна крупная. Для корочки.

— Корочка от мелкой тоже получается.

— Получается, — согласился Артур, — но не та. Крупная даёт хруст. Мелкая — просто солёность. Это разные вещи. Как «послушать музыку» и «послушать музыку на концерте». Вроде то же самое, а ощущения принципиально другие.

Катя улыбнулась и пошла в гараж за крупной солью. Быт. Уютный, тёплый, обволакивающий быт. То, ради чего они и сражались.

Город на закате окрасился в рыже-серые тона. Саня вышел из дверей РОВД в седьмом часу — позже, чем планировал, но последний опрос затянулся. Какая-то бабулька полчаса рассказывала ему о пропавшей кошке, а когда выяснилось, что кошка никуда не пропадала, а просто спала в шкафу, бабулька ещё двадцать минут извинялась и предлагала Сане пирожков. Саня пирожки взял. Не пропадать же добру. Работа у него теперь была такая — не только ловить преступников, но и успокаивать бабулек. И принимать от них пирожки. Это была, пожалуй, лучшая часть работы.

На нём была лёгкая куртка армейского кроя — старая, но добротная, с потёртостями на локтях. Под ней — простая серая футболка. Джинсы, кроссовки. Он не походил на опера — скорее на уставшего инженера, возвращающегося со смены. Инженера, который почему-то носит с собой табельный пистолет. Но мало ли — может, у него очень строгий профсоюз. Пистолет лежал в кобуре под курткой — табельный ПМ, который он носил по привычке, но надеялся, что сегодня он не понадобится. Надежда, как обычно, была глухой.

Он шёл знакомым маршрутом. Мимо хрущёвок с облупившейся краской, мимо киоска «Роспечать», где продавец уже закрывал ставни и что-то бубнил про «опять эти голуби», мимо детской площадки, на которой две девчонки лет десяти самозабвенно прыгали через скакалку, считая вслух. Их голоса звенели в вечернем воздухе, как колокольчики.

Мысли всё ещё крутились вокруг трёх трупов. Три человека. Спортсмен, кассирша, студентка. У каждого — два аккуратных прокола. Кровь выкачана. Не высосана, как в дешёвых фильмах ужасов, а именно выкачана — методично, почти профессионально. Не клыки, а инструмент. Но зачем? И главное — кому это вообще пришло в голову? Неужели в этом городе нельзя просто завести хобби попроще? Вязать, например. Или рыбу ловить.

Он тряхнул головой. Хватит. Сегодня вечером — мангал, пиво, свои. Работа подождёт до завтра.

Сумерки сгущались быстро. Фонари вдоль улицы зажигались с ленцой, будто им тоже надоело работать сверхурочно. До магазина оставалось метров двести — старый одноэтажный универсам с вечно мигающей буквой «М» над входом. Буква «М» мигала уже третий год, и

местные шутили, что это азбука Морзе: «С-П-А-С-И-Т-Е». Но владельцу магазина было всё равно. В это время там обычно немногочисленно: местные разобрали хлеб и молоко ещё днём, а вечерний завоз ещё не подвезли. Пара машин на парковке, сонный охранник у входа, кассирша, листающая журнал с таким лицом, будто в журнале было написано что-то глубоко философское. Хотя на обложке красовался заголовок «Как похудеть за неделю на арбузной диете».

Саня пересёк дорогу и уже видел знакомую вывеску, когда что-то изменилось в воздухе.

Он не услышал и не увидел. Скорее — почувствовал. Лёгкое дуновение, тень, движение за спиной, которое мозг зафиксировал раньше, чем уши уловили звук шагов. Старый армейский инстинкт, выработанный ещё в учебке и отточенный за прошлый год до состояния натянутой струны, сработал быстрее сознания. Инстинкт вопил: «Саня, сзади!» — и Саня, как человек разумный, решил к нему прислушаться.

Он начал разворачиваться — и это инстинктивное движение спасло его от прямого удара в затылок. В голову ему прилететь не должно было — она ещё пригодится.

Удар пришёлся по касательной в плечо. Не кулаком — чем-то более тяжёлым, будто кувалдой. Кувалда, к счастью, оказалась метафорической. Реальной была только боль. Вспышка боли разорвала сознание. Саню швырнуло назад, как тряпичную куклу, выбив из лёгких воздух. Воздух улетел куда-то в район соседней улицы и, кажется, не собирался возвращаться. Спина врезалась в асфальт — жёстко, плоско, до хруста в позвоночнике. Перед глазами заплясали белые пятна.

Он попытался вдохнуть — не получилось. Диафрагма застыла в спазме. Паника — холодная, липкая — уже поднималась откуда-то из желудка, но он задавил её усилием воли. «Дыши. Дыши, мать твою». Вдох пошёл — рваный, со свистом, но пошёл. Как старый автомобиль зимой — с трудом, но завёлся.

И в этот момент на него навалилась тяжесть.

На грудь опустился мужчина. Тяжёлый, крепкий — килограмм девяносто живого веса, сконцентрированного в мышцах и костях. Если бы Саня хотел, чтобы на него кто-то сел, он бы предпочёл кого-то полегче. Например, Катю. И в другой обстановке. Саня почувствовал колени, упёршиеся в рёбра, и горячее дыхание у лица. Пахло перегаром, машинным маслом и чем-то сладковатым — странный, неприятный запах, от которого почему-то сводило скулы. Как будто кто-то смешал дешёвый виски с освежителем воздуха и настоял на старых носках.

Он успел разглядеть нападавшего. Лет тридцати пяти. Густая, но ухоженная борода — такие носят байкеры и хипстеры, но этот явно относился к первой категории. Хипстеры не нападают на людей в тёмных переулках. Они нападают на них в кофейнях, рассказывая о преимуществах веганства и рафа на кокосовом молоке. Татуировки на предплечьях: переплетённые узоры, то ли кельтские, то ли ещё какие-то — проглядывали из-под рукавов чёрной футболки. На футболке — нашивка с названием какого-то мотоклуба, буквы стилизованы под пламя. Мотоклуб, судя по названию, назывался как-то угрожающе. Типа «Ночные волки». Или «Дневные шакалы». Или «Послеобеденные хомяки» — но это вряд ли. Сверху — кожаная жилетка, тёмная, потёртая. Типичный байкер. Вот только глаза были странные. И смотрели они на Саню не как на случайную жертву уличного ограбления — с холодной, расчётливой злобой. С предвкушением. Как смотрит кот на мышь. Или как Лёха на последний кусок шашлыка.

— Попался... — пробормотал байкер, и голос у него был низкий, с хрипотцой, как у человека, который много курит или много орёт. Или много курит и много орёт одновременно. Такое тоже бывает.

Саня попытался сбросить его — безуспешно. Мышцы нападавшего были стальными, а положение — идеальным для контроля. Руки Сани оказались прижаты коленями к асфальту. Рывок — боль в плече, но без толку. Этот мужик знал, что делал. Не пьяный дурак, решивший поразмяться на прохожем. Профессионал. Или как минимум очень увлечённый любитель.

Саня успел подумать о пистолете — кобура под курткой, прижата к асфальту, не достать. Успел подумать о Лёхе — тот уже, наверное, подъезжает к магазину и не догадывается, что происходит в двухстах метрах. Успел подумать о Кате — и эта мысль оказалась самой острой, резанувшей сильнее боли в плече.

А потом байкер исчез.

Не испарился, нет. Он буквально улетел — тяжёлое тело поднялось в воздух, снесённое в сторону с глухим, утробным звуком, успев произнести только две буквы, — Ай!

Пролетев метра два, байкер с громким, совершенно незвериным «хрюк» впечатался в асфальт и распластался. «Хрюк» был настолько выразительным, что Саня, несмотря на боль, чуть не рассмеялся.

Над Саней стоял Лёха. Улыбался.

Он стоял, расставив ноги, как боец, только что отправивший соперника в нокаут, и его широкая физиономия сияла той особенной, хитрой улыбкой, которая появлялась у него в момент триумфа. Футболка натянулась на груди, он дышал тяжело, но ровно — видимо, бежал. Или просто шёл быстрым шагом. Лёха редко бегал — он считал, что бег унижает достоинство.

— Ну что, братан? — он протянул раскрытую ладонь. — Я как всегда вовремя?

Саня ухватился за эту руку, как за канат, брошенный с вертолётa, и одним рывком был поднят на ноги. Плечо отозвалось болью — жить будет, но завтра нарисуеться знатный синяк. Куртка на спине была порвана — он почувствовал это по тому, как холодный ветерок коснулся лопатки.

— Как ты... — начал он и закашлялся.

— Да просто, — Лёха отряхнул ладони. — Подъезжаю к магазину, смотрю — какая-то возня. Присмотрелся — а это ты, и на тебе какой-то утырок сидит. Ну, я и подошёл. Поправил ситуацию. Ты бы ещё табличку на спину повесил: «Парковка для байкеров».

— Поправил, — выдохнул Саня, потирая плечо. — Убедительно.

— Я старался. Жаль, судьи не видели. Взял бы десять баллов.

В этот момент байкер зашевелился. Он поднялся на ноги быстро, почти без усилий, будто его не швырнули на асфальт с размаху, а просто попросили прилечь. Движения были плавными, экономными — так двигаются люди, привыкшие к дракам. Или к чему-то худшему.

Он стоял в паре метров, припав к земле, как хищник перед броском. Его лицо исказилось. Черты заострились, рот растянулся в оскале, который был шире, чем позволяла челюстная кость. Скулы выступили так резко, будто кожа натянулась на череп. Как будто кто-то включил фильтр «злой байкер» в фотошопе и выкрутил ползунок на максимум.

А потом это прошло. Лицо снова стало лицом — обычным, человеческим, разве что слишком бледным. И разве что очень, очень злым.

— О, гляди, какой настырный, — Лёха шагнул вперёд и расстегнул куртку. — Не понял намёка.

Под курткой, на поясе, висел небольшой топорик. Маленький, аккуратный, с рукоятью, обмотанной чёрной изолентой для лучшего хвата. Серебряное лезвие тускло блеснуло в свете фонаря. Это был один из тех топориков из дедова арсенала — после событий годичной давности Лёха всегда таскал его с собой. Привычка, ставшая второй натурой. Как некоторые носят счастливую монету или зажигалку — Лёха носил топор. Небольшой, но достаточно увесистый, чтобы одним ударом перерубить молодое деревце. Или раскроить череп. Или, как минимум, произвести неизгладимое впечатление.

Он поигрывал им в пальцах, слегка покачивая из стороны в сторону. Движение было ленивым, почти небрежным, но в нём чувствовалась готовность — как у кота, который ещё не прыгнул, но уже знает, куда. И на кого.

— Ну, подходи, — негромко сказал Лёха. — На колбасу. У нас как раз шашлык скоро. Будешь почётным гостем.

Байкер замер. Его взгляд метнулся к топорiku. И что-то в его лице изменилось. Не страх. Нет, страха там не было — Саня видел страх много раз и хорошо знал, как он выглядит. Это была ярость. Чистая, концентрированная ярость, смешанная с чем-то ещё.

Байкер оскалился — теперь уже обычным, человеческим оскалом — и издал короткий, горловой звук. Не то рык, не то выдох разочарования. Потом резко развернулся и рванул в темноту, прочь от света фонарей, туда, где улица уходила в частный сектор.

Через пару секунд из-за угла раздался визг шин и рёв мощного двигателя. Машина — судя по звуку, что-то внедорожное, — ушла в ночь стремительно и зло. Ещё мгновение — и всё стихло, только вдалеке затихал удаляющийся гул.

Лёха проводил его взглядом и спрятал топорик обратно под куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.